

УЧЕНИК СТРЕЛЕРА ПРИЕХАЛ В МОСКВУ БЕЗ ДУБЛЕРА

Феруччо Солери: «Играть Арлекина с полным животом нельзя!»

Григорий Заславский

СКАЖИТЕ, синьор Солери, как часто сейчас вам приходится играть Арлекина?

— Прежде чем приехать в Москву, мы сыграли его во Франции, так что специально возобновлять спектакль нам не надо было.

— И вы даже не репетировали?

— Репетировали, конечно, как приехали.

— Правда ли, что спектакли в Москве — чуть ли не последние представления «Арлекина — слуги двух господ» и после Московской олимпиады он уже играть не будет?

— Мы все-таки постараемся как можно дольше играть его, а я постараюсь как можно дольше принимать участие в спектакле. И, кстати, у нас уже запланировано в следующем году турне по Италии с «Арлекином...». Так что еще один сезон у него будет точно.

— Когда я смотрел спектакль в Милане, моим соседом оказался ваш постоянный зритель, который после каждой сцены восхищенно аплодировал, но мне при этом говорил: мол, видели бы вы это год назад, когда все было еще лучше...

— Да, это правда. Немножко теоретизируется. Не все, но некоторые вещи, конечно...

— Как у ветерана Пикколо, есть ли у вас какое-то особое положение в театре?

— Да, конечно, хотя это и не слишком заметно. Я не чувствую себя звездой, но какое-то особое положение есть. Можно говорить о большом опыте, который я стараюсь передать. Из-за этого приходится часто поправлять молодых... Помимо работы над Арлекином, я преподаю в театральной школе при Пикколо. И почти все выходцы из этой школы — мои ученики. Немного занимаюсь режиссурой.

— Я слышал, что вы получили роль и само искусство игры Арлекина из рук Марчелло Моретти, а сами вы как будто бы никого так и не выучили на Арлекина. Правда ли это?

— Нет, есть актер, который готов меня заменить. Его сейчас нет в Москве и вчера он не готовился сыграть эту роль, но он готов прилететь в Москву в любой момент.

— Он ученик Стрелера?

— Да, и мой ученик тоже.

— Уход крупного режиссера, та-

Феруччо Солери остановился в «Интуристе». Мы договорились встретиться в воскресенье, в половине двенадцатого, сели с переводчицей, Дарьей Орел (за помощь ей — отдельное спасибо), чтобы оговорить вопросы, но Солери вопреки всем известным представлениям о «пунктуальности» итальянцев спустился ровно в назначенный час. Ветеран Пикколо, он совсем не похож на артиста, наоборот, казался стеснительным человеком, который, освободившись от маски, чувствовал себя как будто не в своей тарелке. Впрочем, он и сам сказал, что звездой себя не чувствует, получает удовольствие от игры других актеров и сам очень любит играть. Не стараясь быть оригинальным, говорит: «Каждый вечер, когда я выхожу на сцену, мне кажется, будто все это — впервые». Был немногословен настолько, что на некоторые вопросы отвечал лишь все разъясняющей улыбкой.

кого, как Стрелер, — всегда трагедия для его актеров...

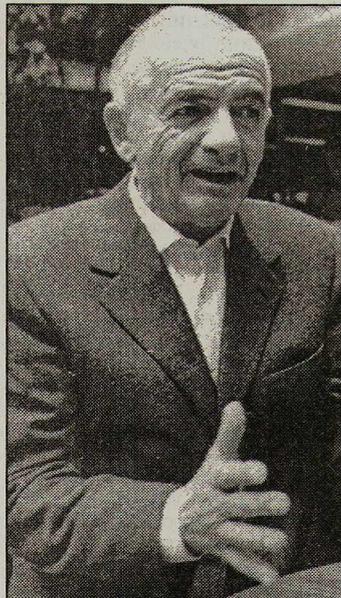
— Надеюсь, что не трагедия — в полном смысле слова.

— В Пикколо пришел сейчас не менее знаменитый Лука Ронкони. Есть ли сегодня проблемы между актерами Стрелера и новым руководителем театра?

— Ну, разве что... В «Арлекине...» мы должны следовать указаниям Стрелера. И только. И в спектакле практически нет никаких изменений. Хотя со времени премьеры — с 97-го года — ввели шесть новых актеров. Проблема только в том, сможем ли мы сами достаточно точно и достаточно долго следовать заветам Стрелера. Но мы стараемся. В «Арлекине...» к тому же нет раз и навсегда зафиксированного состава. Как только кто-то оказывается занят, тут же его место занимает другой и играет спектакль. Конечно, на главные роли актеров готовят заранее, а что касается второстепенных, то вводить можно сделать за несколько часов.

— Занимает ли вас Ронкони в своих спектаклях?

— Ронкони — замечательный режиссер, который, конечно, иногда все-таки отличается от Стрелера... Два года почти у театра были большие проблемы, поскольку мы жили без художественного руководителя. Нынешний сезон — первый фактически, который проходит

Феруччо Солери.

под началом Ронкони. Он много работает, и здесь, в Москве, будет показан его спектакль «Венецианские близнецы» Гольдони.

— Стрелер был коммунистом. А у вас есть какие-то политические взгляды?

— Я из левых, конечно. Но не коммунист.

— Семь спектаклей за восемь дней — это для вас нормальный график работы? Не тяжело ли вам играть?

— (Пожимает плечами.) Нет и нет. Это — моя работа. Иногда мне кажется, что, когда я надеваю маску, возраст как будто уходит. Стрелер сказал мне перед смертью: «Чем больше ты играешь Арлекина, тем Арлекин становится все более молодым».

— А что, по мнению Стрелера, было главным в этой роли?

— Мне кажется, контакт с публикой. Передать все проблемы, все переживания, все чувства Арлекина публике... Вообще, с Моретти я проработал только 15 дней, он мне почти ничего не объяснял, я должен был только следовать его указаниям, а вся роль Арлекина — от Стрелера. Когда умер Моретти, именно Стрелер обучал меня всем подробностям роли.

— Но Арлекин в XX веке — не тот, что был, когда театр действительно был на площади. К кому из героев Кафки, например,

или Достоевского он близок?

— Трудно сказать... Может быть, Гоголя. Или действительно Кафки... А что-то, может быть, из Достоевского. Арлекин, я думаю, это — особенная роль, есть какие-то традиции, которые он перенимает, но остается и что-то свое, ни на что не похожее и связанное только с ним.

— Для вас это главная роль в жизни? Или одна из многих?

— Вообще для меня самое главное — играть. Но Арлекин — конечно, главная. Хотя я много играл у Стрелера — Шекспира, Мариво, Брехта, Пиранделло...

— Как складывается ваша жизнь в Москве сейчас?

— Утром я сплю. Я должен спать десять часов обязательно. Потом хочу что-то еще увидеть, посмотреть, хотя что-то я, конечно, видел, поскольку двадцать лет назад я уже бывал в Москве... Ничего не ем перед спектаклем, поскольку с полным животом играть эту роль нельзя. В час дня сейчас поем, а в следующий раз уже после спектакля. В театре за час до спектакля я обязательно делаю специальную гимнастику, что-то вроде активной зарядки...

— Что вы обещали привезти родным из Москвы?

— У меня сын и две дочери, от старшей дочери — внучка. Они ничего конкретно привезти не просили, но я всегда что-то им привожу с гастролей. Для внучки я, конечно, куплю матрешку, а об остальных пока не думал. У меня для выбора есть 10 дней.

— Удастся ли вам что-то посмотреть в московских театрах?

— Я пойду на «Бориса Годунова» (спектакль Деклана Доннеллана — из программы Театральной олимпиады. — Г.З.). Мне это интересно, поскольку до сих пор я знал только оперу «Борис Годунов».

— Снимаетесь ли вы в кино?

— Снимаюсь в двух фильмах. Меня приглашали, но я все не мог, потому что был занят в театре. Театр требовал всегда очень много времени. И я всегда предпочитал театр, который был для меня на первом месте. Вы знаете, мне нравится прямой контакт с публикой... В одном фильме я сыграл одного из руководителей ЦРУ, и этот персонаж не имел ничего общего с Арлекином. А в другом я играл рабочего с парализованной рукой. Тоже — по контрасту с таким живым и подвижным Арлекином. ■